

Своеобразие женских образов в сборнике Н.В.Гоголя "Вечера на хуторе близ Диканьки"

Разные типы мужских характеров в ранней прозе Гоголя неоднократно привлекали внимание ученых. Но женские образы в гоголевских произведениях изучены недостаточно. Большинство исследователей лишь вскользь упоминают о колоритных характерах Солохи и Хиври. Некоторые литературоведы подчеркивают связь женщин в сборнике Гоголя "Вечера на хуторе близ Диканьки" с нечистой силой и считают их воплощением зла в Диканьке. Так, по мнению Г.Г.Грабовича, "...функціонально зло в жінках зумовлюється і визначається їхньою владою над чоловіками. Передусім вона криється в їхній статевій приналежності, що буквально спроможна заарканювати чоловіків і перетворювати їх у дурнів" [1, с. 91].

Т.В.Бовсунивская указывает на то, что "у сюжетній будові творів Гоголя образи жіночого демонізму відіграють важливу рушійну роль, вони саме і є носіями демонологічної каузальності, без якої містичний сюжет нездійснений" [2, с. 7].

Однако системного анализа женских типов в творчестве Гоголя в работах исследователей нам обнаружить не удалось. Поэтому целью данной работы является попытка проанализировать типологию женских характеров в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" Гоголя.

Первый гоголевский сборник "Вечера на хуторе близ Диканьки" ассоциируется прежде всего с чертом и кузнецом Вакулой из "Ночи перед Рождеством", с Петрусем Безродным, продавшим душу дьяволу, из "Вечера накануне Ивана Купала", с выдумщиком Левком из "Майской ночи". Но мы не можем представить себе черта без приветливой Солохи, Вакулу – без капризной Оксаны, Петра – без красавицы Пидорки, Левка – без Ганны и панночки-утопленницы. Колоритная Хивря и драчливая кумова жена с их "похождениями" могли бы стать героями отдельных произведений. Все они определенным образом толкали казаков на подвиги, мошенничество, обман родителей, убийства, сделки с нечистым и т.д. "Женское начало в произведениях Гоголя всегда подвергалось парадоксальной интерпретации в виде демонического рудимента-символа, мистическая женственность, за красотой которой скрывается пропасть, – лейтмотив его произведений", – пишет Т.В.Бовсунивская [2, с. 7].

В "Вечерах на хуторе близ Диканьки" можно выделить типы беспечных, красивых, но капризных "дивчат", а также типы ведьм и сварливых баб. Параска и Пидорка выделяются своей меланхолической личностью и нескромностью (обеих отцы застают в объятьях парубков), а Ганна и Оксана – капризностью. Галя выбирает между богатым и влиятельным головой и его молодым сыном, а Оксана ждет, чтобы на ней женился "лучший парубок на свете" и заставляет кузнеца выковать ей самый красивый сундук и достать царицыны черевички. Женские образы, изображенные Гоголем в "Вечерах", также можно рассматривать как народные

типы. Это "бабы", которые крепко держат в руках своих недалеких мужей, и мифологические образы ведьм, русалок. Яркими представительницами первого типа являются дородная Хивря, неугомонная и вечно недовольная; придиричивая свояченица головы, "говорливая и угодливая хозяйка" Солоха; кумова жена, ткачиха, дьячиха и "баба в козацкой свитке, с фиолетовым носом" из "Ночи перед Рождеством"; тетка деда Фомы Григорьевича (владелица шинка, в котором "разгульничал Басаврюк").

Параска, дочь Солопия из "Сорочинской ярмарки", предстает, со слов автора, осьмнадцатилетней, круглолицей и чернобровой девушкой. Она с первого взгляда влюбляется в щеголеватого парубка в белой свитке и с "яркими глазами". И очень скоро Солопий становится свидетелем того, как "дочка его и парубок спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки..." [3, с. 15]. Гоголь наделяет Параску чертами простодушности и наивности. Красавица с умилением вспоминает, как Грицько говорит ей "*Парасю, голубко!*". Она грезит о замужестве, с удовольствием примеряет очипок мачехи и представляет себя в роли хозяйки. "...Пускай уже, я ему вытку, как перейдем жить в новую хату" [3, с. 31], – раздумывает она о ярком поясе для своего жениха. Юная кокетка вынимает "из-за пазухи маленькое зеркало" и глядится в него "с тайным удовольствием" [3, с. 31]. Она мечтает о том, что никогда больше не поклонится сожительнице отца. Беспечная гоголевская красавица "пошла танцевать, побрякивая подковами <...> и напевая любимую свою песню о барвинке" [3, с. 31]. Ее радость передалась даже Черевнику, который долго смотрел на дочь свою, "смеясь невиданному капризу девушки, которая, задумавшись, не примечала, казалось, ничего" [3, с. 31]. Параска у Гоголя жизнерадостна, наивна, доверчива, но ее поведение противоречит патриархальным нормам сельской морали. Известно, что украинцы заключали браки осенью, после сбора урожая. А события этой повести разворачиваются как раз в период жнив. К тому же, как неоднократно подчеркивает автор, помощь нечистого даже в таком богоугодном деле, как воссоединение двух любящих сердец, не гарантирует их счастья. Удальство, с которым Грицько заключает пари с цыганом (чертом) и "дует" сивуху, не предвещает ничего хорошего. Автор не выражает открыто своего отношения к герою, но его поступки свидетельствуют о том, что оно было отрицательным. Грицько не уважает старших (залепил Хивре очипок грязью), а это говорит о пренебрежении моральными нормами и национальными традициями.

Пидорка из повести Гоголя "Вечер накануне Ивана Купала" является героиней с трагической судьбой. Трагизм ситуации, изображенной Гоголем, заключается в том, что она влюбляется в работника отца – бедного парня и сироту. Любящий отец не хочет отдавать свое дитя за простого парубка и сватает дочь за богатого ляха. Ведь у самой девушки, должно быть, немалое приданое, и польский жених с деньгами был бы для нее неплохой партией. Пидорка, к тому же, чрезвычайно красива: "Полненькие щеки казачки были свежи и ярки, как мак самого тонкого розового цвета, когда, умывшись божьею росой, горит он, распрямляет листики и охорашивается перед только что поднявшимся солнышком; <...> брови, словно черные шнурочки, <...>, ровно нагнувшись, как

будто гляделись в ясные очи; <...> ротик, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и создан был, чтобы выводить соловьиные песни; <...> волосы ее, черные, как крылья ворона, и мягкие, как молодой лен <...>, падали курчавыми кудрями на шитый золотом кунтуш" [3, с. 37]. Гоголь не жалеет сравнений, многие из которых имеют фольклорный характер, чтобы подчеркнуть красоту героини. Строптивая красавица обещает проститься с жизнью, если ей придется идти под венец с ненавистным поляком. Но замужество не принесло ей счастья – "она изныла, исчахла, выплакались ясные очи" [3, с. 43]. Ее муж потерял рассудок, и она жила, как в кошмарном сне. После смерти Петра она ушла на богомолье, и какой-то казак видел в лавре похожую на нее монахиню. Любовная история, в которой воссоединению влюбленных помогал нечистый, закончилась печально. Пидорка – тип жертвы, несчастной женщины, которая обречена на страдания за чужие грехи. Гоголь изображает ее как жертву судьбы. Прекрасная дочь богача, вызывавшая всеобщее восхищение и преклонение, расплачивается за жестокость отца и связь любимого с нечистой силой смертью брата Ивася, позже – смертью мужа.

В повести Гоголя "Майская ночь, или Утопленница" Ганна (Галя) – ясноокая красавица на пороге семнадцатой весны. Автор подчеркивает, что она недавно вернулась домой и еще чувствовала себя чужою, но уже стала объектом всеобщего обожания. Среди ее ухажеров – не только местные гуляки-парубки, но и казак Левко, сын сельского головы, и даже сам сельский голова. Все они проходу не дают девушке, и мать ее стала суровее присматривать за нею, а "девушки все глядят так завистливо". Однако это не мешает юной "сердцеедке" в сумерках выходить к Левку на свидания, а позже – и к его отцу. Она не боится строгой матери и позволяет себе ночные свидания с Левком. Ее не волнует то, что это скомпрометирует ее и принесет ей дурную славу. Примечательно, что с простыми парубками, которые не были сыновьями представителей власти или богачей, она не захотела даже разговаривать и сразу же убежала в хату. Гоголь наделяет ее такими чертами, как кокетство ("– О, ты мне не надоел, – молвила она, усмехнувшись. – Я тебя люблю, черно-бровый казак!" [3, с. 47]), смелость и целеустремленность. Галя открыто признается чернобровому парубку, чем он ей мил: "За то люблю, что у тебя карие очи, и как поглядишь ты ими – у меня как будто на душе усмехается..." [3, с. 47], – и тут же неожиданно спрашивает, говорил ли он с отцом об их свадьбе. В то же время Ганна изображена как мечтательная дева, считающая небесные светила: "Посмотри, вон-вон далеко мелькнули звездочки..." [3, с. 48]. Вместе с тем она – простодушное дитя. "Что, если бы у людей были крылья, как у птиц, – туда бы полететь, высоко, высоко... Ух, страшно!", – говорит Галя [3, с. 48]. Присущее ей любопытство ("Теперь-то не засну, если не расскажешь, я стану мучиться да думать..." [3, с. 48–49]) способствует разворачиванию сюжета. Уговорив Левка рассказать старинную легенду, она в некотором смысле "пробудила" к жизни русалок. Гоголевскую Галю можно отнести к типу любвеобильной девушки. Она пленила воображение многих парубков и кокетничала с двумя поклонниками сразу.

Оксана из повести "Ночь перед Рождеством" выписана автором особенно детально. Ее можно отнести к типу капризной красавицы, кокетки. Она, как и

Параска, Пидорка, толкает своего возлюбленного на связь с нечистой силой. Оксана – избалованная дочка богатого казака Чуба, "красавица на всем селе". Девушке, как и героиням из "Сорочинской ярмарки" и "Вечера накануне Ивана Купала", не минуло еще и семнадцати лет, а уж "во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про нее" [3, с. 85]. Парубки гонялись за нею толпами, но девушка была столь капризна, что вскоре один лишь кузнец продолжал за ней ухаживать, хотя она обращалась с ним так же, как и с другими. Гоголь подчеркивает свойственный героине эгоизм, самовлюбленность. Об этом свидетельствует эпизод, в котором повествуется о том, как она подолгу прихорашивалась перед зеркалом, любовалась своей красотой и хвалила себя вслух: "Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть" [3, с. 85]. Увидев Вакулу, случайного свидетеля ее кокетства, красавица так трогательно сердится, что "расцеловать ее миллион раз вот все, что можно было сделать тогда наилучшего" [3, с. 86]. Автор дает понять, что избалованная дочка Чуба издевается над кузнецом: "Не любит она меня <...> Ей все игрушки <...> Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова" [3, с. 86–87]. Со страниц гоголевского текста Оксана предстает как кокетка, которая любит наряжаться: "...снова взглянула в зеркало и стала поправлять на голове свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шелком..." [3, с. 86]. Несмотря на богатство ее собственного гардероба, девушка завидует "черевичкам" Одарки. Вакула понимает, что "с нее никогда не будет доброй хозяйки; она только мастерица рядиться" [3, с. 92], но согласен смириться с этим. Его чувства столь глубоки, что он признается девушке: "Что мне до матери? Ты у меня мать, и отец, и все, что ни есть дорогого на свете" [3, с. 87]. Но девушка продолжает насмехаться над Вакулой и обещает выйти за него замуж лишь в том случае, если он достанет ей "черевички", как у царицы. "Черевички" – важная художественная деталь, проливающая свет на характер героини. Примечательно, что кузнец готов ради нее отказаться от любых благ. Он уверяет, что если бы мог просить что-то у царя, то сказал бы ему: "Не хочу <...> ни каменьев дорогих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мне лучше мою Оксану!" [3, с. 87]. Самой красавице для счастья, кажется, хватило бы и "черевичков". Она обращается с Вакулой очень заносчиво, позволяет себе насмехаться над ним в присутствии подружек. И только после того, как парубок исчез, она начала дорожить его чувствами, испугалась, что он решится на что-нибудь страшное: "Чего доброго! может быть, он с горя вздумает влюбиться в другую и с досады станет называть ее первою красавицею на селе?" [3, с. 99]. Узнав, что Вакула исчез, Оксана огорчилась: "А вряд ли в другом месте где найдется такой молодец, как кузнец! Он же так любил ее! Он долее всех выносил ее капризы!" [3, с. 110]. Гоголь столь мастерски передал внутренний монолог Оксаны, что становится ясно: эгоистичная красавица жалеет себя, а не Вакулу. Осознав, что она может потерять столь терпеливого поклонника, Оксана начинает ценить его. Ей уже и "черевички" не нужны, она на них и не смотрит, когда возлюбленный наконец-то возвращается. Некоторое время спустя прекрасная кокетка предстает перед читателем как замужняя женщина "с

дитятей на руках".

Не менее разнообразны в гоголевских повестях типы ведьм и сварливых баб. Злая мачеха Хавронья Никифоровна ("Сорочинская ярмарка") – "неугомонная супруга" – безусловно, главный женский персонаж повести. Это ведьма по своему характеру, поскольку он у нее скверный и сварливый. Она наделена такими отрицательными качествами, как болтливость и сварливость. Это "разряженная сожительница" Черевика, "выучившаяся держать его в руках так же ловко, как он вожжи своей старой кобылы" [3, с. 13]. По ее важному полному лицу "проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на веселенькое личико дочери" [3, с. 13]. Стоявший на мосту хлопец тут же окрестил ее дьяволом, отчего "красные щеки ее превратились в огненные, и треск отборных слов посыпался дождем на голову разгульного парубка" [3, с. 14]. Автор также наделяет Хиврю кокетством: она богато одета, показывает свое превосходство над другими, сидя на возе, как королева на троне. Она, как и всякая женщина, болезненно воспринимает критику ее внешности. Так, когда ее назвали столетней ведьмой, то Хиврю обижал именно приписанный ей возраст, а не связь с нечистой силой. Когда же "дородной щеголихе" забрызгали грязью очипок, она, отъехавши довольно далеко, обратила свою месть на мужа и падчерицу, а "неутомимый язык ее трещал и болтался во рту" до тех пор, пока они не приехали к куму. Бедный супруг ее, позволяя себе иногда едкие замечания в адрес жены, закрывал голову руками, боясь, что "разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в его волосы своим супружескими когтями" [3, с. 19]. Запуганный Солопий называет жену голубкой, а "за глаза" рассказывает, что "в старухе дьявол сидит!". Влияние Хиври на своего мужа подчеркивается автором во многих эпизодах. Так, договариваясь о свадьбе дочери с Грицьком, он боязливо оглядывается и говорит, что нужно кончить все до ее приходу. А поскольку мятежная супруга его в это время делала покупки и ему не грозила немедленная расправа, Солопию сделалось так весело, "будто его старуху москали увезли". Не без иронии автор описывает, как Хивря будит своего благоверного: "– Вставай, вставай! – дребезжала на ухо *нежная* супруга, *дергая* из *всей силы* за руку" [3, с. 27] (курсив мой – А.П.). В то же время эта грозная женщина ласково ободряет трусливого любовника-поповича, заботливо подает ему роскошные яства, кокетливо притворяется непонимающею, когда попович начинает обнимать ее широкий стан и даже стыдливо потупляет глазки. Но муж и падчерица все-таки сумели обвести ее вокруг пальца и затеять свадьбу.

В повести Гоголя "Пропавшая грамота" ведьмы, изображенные на шабаше, многолики, "разряжены, размазаны, словно панночки на ярмарке" [3, с. 74]. Именно у них дед, главный герой повести, пытался выкупить свою грамоту. Автор подчеркивает, что ему было не страшно играть с нечистыми в карты, а, наоборот, стыдно: "Козаку сесть с бабами в дурня!" Ведьмы визжали и лаяли. Дед играл с той из них, которую "почел за старшую над всеми потому, что личина у ней была чуть ли не красивее всех" [3, с. 74]. Герой повести в сердцах называет ее "хрычовкой", "кошачьим отродьем", "дьявольским племенем". Проиграв смертному, она была наказана: "гром пошел по пеклу, на ведьму напали корчи" [3, с. 75].

Одним из наиболее колоритных женских образов в гоголевских "Вечерах" является Солоха из повести "Ночь перед Рождеством". Она принадлежит к типу "черт-бабы", которую называют ведьмой. Рисуя портрет Солохи, Гоголь подчеркивает, что она ни хороша, ни дурна собою, не более 40 лет от роду. Ведьма так умела "причаровать" к себе самых степенных казаков, что к ней "хаживал" и голова, и дьяк Осип Никифорович, и казаки Корний Чуб и Касьян Свербыгуз. Любой из них был не прочь зайти к Солохе "по дороге", сделав большой крюк, поест жирных со сметаной вареников и "поболтать в теплой избе с говорливой и угодливой хозяйкой". Автор подчеркивает любвеобильность ведьмы: "Солоха кланялась каждому, и каждый думал, что она кланяется ему одному" [3, с. 88]. Но она была приветливее всего с богатым вдовцом Чубом, чье хозяйство она "находила не лишним присоединить к своему". В этом образе сконцентрированы мотивы, традиционные для мифологических представлений о ведьме: Солоха вылетает в трубу на метле и собирает звезды в рукав. Как указывает В.Милорадович, ведьма "зніма світову і полунішню зірку, щоб не було дощу і для того, щоб півні не співали, щоб їй вільно ходити цілу ніч" [4, с. 56]. Однако следует заметить, что в славянской мифологии путешествия совершала душа ведьмы, в то время как ее тело должно было находиться неподвижно в ее доме, а у Гоголя летала не призрачная ведьма, а живая женщина во плоти. И.Чеховский подчеркивает, что путешествие ведьм сопровождалось обязательным прохождением через такой характерный локус на грани этого и "того" миров, как дымоход или камин. Таким же путем они возвращались назад, в хату [5, с. 23]. Но, несмотря на магические знания, ведьма Солоха не предвидела неожиданного "нашествия" всех ее ухажеров в один день и, "испугавшись сама, металась как угорелая...". В указанном эпизоде она напоминает Хиврю из "Сорочинской ярмарки", прячущую своего поповича. Гоголь наделяет Солоху многими качествами, какими обладали ведьмы в мифах и народных преданиях. Она похожа на врожденную ведьму. Односельчане наделяют ее соответствующими признаками — хвостиком, умением превращаться в кошку и летать на метле. Кроме того, мать кузнеца совсем не злобная вредительница, а добродушная, хоть и расчетливая, женщина.

В гоголевской повести Солоха-ведьма, как и черт, относится к образам, которые отчасти дедемонизируются. "Правда ли, что твоя мать ведьма?" — произнесла Оксана и засмеялась". Ю.Манн считает, что так действительно можно спросить не о сверхъестественном существе, а самое большое — о "скверном соседе" [6, с. 23].

Почти все замужние женщины у Гоголя — "бабы", портящие жизнь своим благоверным. Подтверждением этому являются эпизодические образы кумовой жены и свояченицы головы. Кумова жена дралась со своим мужем и отнимала у него добычу, так что тот "почти всегда уходил из дому с фонарями под обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась рассказывать старушкам о бесчинстве своего мужа и о претерпенных ею от него побоях" [3, с. 101]. В этом плане интересен также эпизод, где повествуется о "битве" за мешок со сладостями, в котором баба отлупила кочергою мужа и ткача. Свояченица головы — собирательный образ сожительниц состоятельных вдовцов. Голова считался с нею

и даже побаивался ее. Она же, как наиболее близкий голове человек, становится объектом шуток парубков, вследствие чего голова и писарь принимают ее за нечистую силу. Едва избежав костра, свояченица быстро приходит в себя и начинает пилить своего сожителя, обвиняя его в попытке избавиться от нее, чтобы "свободнее было волочиться за дивчатами". Она прибрала к рукам бесхарактерного голову так, как Хивря своего Черевика.

Г.Грабович справедливо отмечает, что в гоголевской Диканьке нет ни одной замужней женщины, которая бы в определенный момент не являлась вариацией "черт-бабы". Исследователь считает, что метаморфозы дьявола почти во всех повестях происходят путем превращения в женщину (ведьму, "бабу"). К тому же, женские персонажи у Гоголя, как считает Т.Бовсунивская, всегда ускоряют развитие событий, они появляются в жизни мужчин как "дьявольщина" [2, с. 7].

Женские образы играют важную роль в текстах гоголевских повестей. Без них структура произведений писателя, которая строится на оппозиции "мужское начало – женское начало", была бы неполной. Без них была бы несовершенной и неорганичной художественная картина мира, запечатленная писателем, который во всем стремился к универсальности.

Обычно в исследовательской литературе указывается, что женские характеры плохо индивидуализированы. Однако это не совсем так. Автор подчеркивает портретное сходство героинь. Но, несмотря на внешнее подобие типов юных девушек, среднего возраста женщин и старых ведьм, все они характеризуются неповторимым своеобразием. Так, Параска – непосредственная, жизнерадостная, мечтательная, доверчивая, Пидорка – меланхоличная и грустная, Оксана – капризная и самовлюбленная, Ганна – любопытная и скрытная, Хивря – сварливая, болтливая, жеманная; Солоха – умная, смешливая, хозяйственная кокетка, ведьмы на шабаше – многолики, обжорливы, насмешливы.

Литература

1. Грабович Г. Гоголь і міф України // Сучасність. – 1994. – №9.
2. Бовсунівська Т. Містична каузальність гоголівських сюжетів // Українська мова та література. – 1999. – №12.
3. Гоголь Н.В. Вечера на хуторі близ Диканьки. – Миргород; Харьков, 1987.
4. Милорадович В. Українська відьма... Нариси з української демонології. – К., 1993.
5. Чеховський І. Українська відьма на Лисій горі (Національні особливості нічних польотів на чарівну гору) // Берегиня. – 2002. – №3.
6. Манн Ю. Поэтика Гоголя. – М., 1988.